

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАРНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Г. В. МЕЛИКЯН

В персидском языке, как и в других иранских языках¹, широкое распространение получила редупликация, посредством которой выражаются новые фразео-грамматические и лексико-грамматические значения.

Лексико-словообразовательный аспект редупликации достаточно хорошо исследован в работах советских и зарубежных иранистов². Меньше внимания было уделено изучению редупликации в плане фразеологической проблематики. А между тем, в разговорном персидском языке посредством редупликации выражается ряд важных фразео-грамматических значений. Так, редупликация качественного прилагательного в составе изафетной конструкции передает значение интенсивной степени прилагательного³ (*man an vasat tanha-ye tanha budam* «там посредине я был совсем одинок») (М. Kianuš, *osse-i va qesse-Tehran*, 1944 p. 95); *baba goft: xodat-ro hašdar-pašdar nakon: Sālem-eSālem ast* («Отец сказал: «Не суется: он здоров-здоровехонек») (Kianuš *ast s. 37*); *xūbe xubhā-š touge-ye dočarxe bud* («самое лучшее—это было колесо от велосипеда») (Kianuš *s. 14*).

Редупликацию допускают также глагольные личные формы. При этом наиболее широко распространение получила редупликация формы 3-го лица простого прошедшего времени глагола в составе конструкции с союзом, где она выражает значение окончательного завершения действия или значения результативности: *Vali saš tuye tan-aš mand ke mand* («Однако паралич у него так и остался») (Kianuš *s. 25*); ср. также *raft ke raft* («совсем ушел», «больше не вернулся») и т. д.

Грамматические значения, выражаемые посредством редупликации требуют особого исследования.

Пока мы касались лишь тех случаев редупликации, при которых форма слова остается неизменной. Однако в персидском языке редупликация довольно часто сопровождается частичным фонетическим изменением слова, что влечет за собой появление особых словосочетаний, получивших, согласно персидской грамматической традиции, название *itba*^с или *atba*^с. Этот термин, который применяется не только в отношении повторов, но и в отношении устойчивых словосочетаний со вторым компонентом—словом—рифмой, заимствован из арабской грамматики. По своему происхождению он является масдар четвертой породы арабского корня *tb*^с. Следовательно, правильной следует считать форму *itba*^{с4}. Вариант *tabe*^с понимается некоторыми авторами как форма множественного числа слова *itba*^{с5}. Буквальные значения слова *itba*^с, содер-

¹ М. У. Хамоян. Очерки именной фразеологии курдского языка, Издательство Ереванского университета, 1971.

² Подробно об этом см. Пейсихов Л. С., Очерки по словообразованию персидского языка. Изд-во МГУ, 1973; его же, Лексикология современного персидского языка. Изд-во МГУ, 1975.

³ Аналогичная конструкция встречается в говорах таджикского языка и в ягнобском языке (см. Хромов А. Л. Ягнобский язык. М., 1972, с. 92).

⁴ См. работу иранского ученого Джафара Шуара «Исследования по грамматике персидского языка».

⁵ См. Heshmat Moayyad.

Zum Problemkreis und stand der Persischen Lexikographie Instituto Universitario Orientale di Napoli, *Anali, Annali nuova serie*, vol. XII, 1962, p. 26. Jiri Osvald Alliteration in Colloquial Persian *Archiv Orientali* 39/3, 1971, p. 346.

жающиеся в толковых словарях, следующие: следование за чем-либо, вынужденное присоединение к чему-либо, подчинение⁶.

Как лингвистический термин $itba^{-c}$ —это редупликация слова с закономерным изменением начального согласного, при этом оба компонента связаны либо путем примыкания, либо посредством союзов. Таким образом, второй компонент не имеет самостоятельного статуса и существует только как фонетически преобразованная форма первого.

Согласно иранской грамматической традиции каждый компонент редулицированной конструкции типа $itba^{-c}$ имеет свое название: второй компонент называется $tabe^c$ (досл. подчиняющийся), первый— $matbu^{-c}$ (досл. подчиняющий). Однако в иранской грамматической литературе нет полной ясности ни в отношении структуры $itba^{-c}$, ни в отношении передаваемых им значений. Джафар Шуар, например, различает два основных вида $itba^{-c}$ в зависимости от формы и значения второго компонента ($tabe$):

1. $tabe^{-c}$ —e *mohmal* (досл. «бессмысленный табе»).

Когда второй компонент не имеет самостоятельного лексического значения, а является фонетически преобразованной формой первого компонента и следует за ним непосредственно: *katab-metab* (всякого рода книги), *Kaž-Maž* (скрученный, кривой).

2. $tabe^{-c}$ —e *motlaq* (букв. «абсолютный табе»), когда второй компонент либо имеет самостоятельное лексическое значение (ясное или неясное), или не имеет его: *lut-o put; šur-o mur, sar-o mar⁷*.

Из примеров, приводимых автором для подкрепления высказанных им положений, явствует, что под $tabe$ -e *mutlaq* понимаются союзные парные словосочетания, причем зачастую разного характера, что и побуждает Шуара говорить о том, что в $itba^{-c}$ слова не обязательно должны быть одинаковы по форме, например: *kajo-koule āloššub* и т. д.⁸.

С другой стороны, Шуар видит, что невозможно объединить в модели $itba^{-c}$ все типы союзных парных словосочетаний. Поэтому он высказывает положение о том, что необходимо различать сочетания типа $itba^{-c}$ и *tarkibe atfi*, т. е. словосочетания, состоящие из двух слов с самостоятельным лексическим значением типа *eim o adab-xane vo madrase*. Различия между этими двумя понятиями, по мнению Шуара, сводятся к следующему «...в $itba^{-c}$ большей частью оба компонента имеют одну фонетическую форму, и второе слово чаще всего или вовсе не имеет значения, или же имеет ясное значение, и, кроме того, оно не существует самостоятельно без первого, тогда как в сочетаниях типа *tarkibe atfi* вторые компоненты имеют значение и употребляются самостоятельно. Учитывая это, можно сказать, что в основном два слова, следующие одно за другим и связанные соединительным союзом *o(vav-e atfi)* нельзя считать $itba^{-c}$, так как в противном случае мы не признавали бы существования *tarkib-e atfi* и вынуждены были бы такие сочетания, как *ah-o zari, goft ošumud in-o an did-o baz did* признавать в качестве $itba^{-c}$ ⁹.

Нетрудно заметить что в рассуждениях Дж. Шуара наблюдаются сплошные противоречия. В частности, с одной стороны, он утверждает, что главное для $itba^{-e}$ —это тот факт, что второй компонент не имеет самостоятельного лексического значения, и в этом отличие его от *tarkib-e atfi*, но, с другой стороны, он пишет о том, что есть $itba^{-c}$, где второй компонент имеет самостоятельное лексическое значение.

Главная ошибка Дж. Шуара заключается в явном смешении двух разных аспектов исследования—структурного и семантического, а также в необоснованном стремлении подвести под общее правило единицы, относящиеся к принципиально разным структурным типам.

Таким образом, проблема четкого отграничения парных словосочетаний типа $itba^{-c}$ от остальных типов парных словосочетаний Дж. Шуаром не решена, несмотря на то, что он сумел собрать обширный материал и привлечь довольно много арабских и персидских источников. Нет ясности и в вопросе о значениях, выражаемых $itba^{-c}$.

⁶ Д. Шуар. Указ. соч., с. 93—94.

⁷ Там же, с. 101.

⁸ Там же, с. 102.

⁹ Там же, с. 103.

Об этом можно судить не только по работе Дж. Шуара, но и по исследованию Мустафа Закеи, на которое ссылается Дж. Шуар и которому он дает высокую оценку¹⁰. М. Закеи выделяет несколько значений, которые, по его мнению, выражаются посредством *itba^c*: повторность, усиление и дополнительное значение, подкрепление данного значения, множественность и разнообразие¹¹. Дж. Шуара считает, что такой круг значений слишком широк и что основное значение *itba^c* — это подкрепление и усиление значения первого компонента (*Takid va taqiyate matbu^c kalame-ye pišin*).¹² Оба автора слишком расплывчато определяют значения *itba^c* и, в основном, сводят все к тому, что редупликация — это лишь подкрепление значения того или иного слова.

Итак, какие же парные словосочетания можно отнести к *itba^c* и каковы их значения и структура?

Выше уже было отмечено, что к *itba^c* относятся только те парные словосочетания, которые построены посредством редупликации и у которых второй компонент представляет собой фонетически преобразованную форму первого. При этом решающая роль принадлежит эвфонии¹³.

В словосочетаниях типа *itba^c* наблюдаются следующие фонетические закономерности:

1. Начальному согласному первого компонента, кроме *m* и *p* регулярно соответствует согласный *m*, реже *č*, второго компонента: *bačče-mačče*, *šangul-mangul*, *baqqal-čaqal*, *ketab-metab* и т. д.;

2. Начальным *m*, *t*, реже *l* первого компонента регулярно соответствуют согласные *p*, *b* второго компонента: *mard-pard*, *mir-o biz*, *mast-o past*, *luti-puti* и т. д.;

3. Если первый компонент начинается с гласного, то во втором добавляется начальное *m*: *asb-masb*, *ataš-mataš*;

4. Гласным а первого компонента может соответствовать гласный *u* второго компонента при условии, если слово односложное: *qar-o gur*, *kaj. laḡ-o luḡ*, *hart-o hur*, *haf-o huf* и т. д.

В лексико-грамматическом отношении сочетания типа *ketab metab* и союзные парные сочетания типа *mast-o past saf-o suf* отличаются друг от друга. Первые характерны исключительно для разговорной речи. Возможности их образования в речи практически почти не ограничены, подобная редупликация может, например, спонтанно возникнуть при употреблении любого существительного.

Значение, передаваемое этим сочетанием, можно, по-видимому, охарактеризовать как неопределенное обобщение в большей или меньшей степени с отрицательным оттенком *ketab-metab* всякая там книга, *mard-pard* — всякий там мужчина, *pup—pup* всякий там хлеб.

Следовательно, здесь мы имеем дело скорее всего с явлением фразеобразовательного характера, а не словообразовательного, как это считают некоторые исследователи, в частности Л. С. Пейсиков, называющий эти сочетания аллитерирующими основами и относящий их к копулятивам¹⁴. Если бы это были копулятивы, то мы обязаны были бы фиксировать их в словаре как готовые лексические единицы, однако представить себе словарь, насыщенный такими «копулятивами», как *raččemarčče* «ткани», *doulatmoulat* «правительство», *qoumoxišmoumoxiš* «родственники»¹⁵. Конечно, нельзя отрицать, что некоторые из таких редулицированных словосочетаний могут лексикализироваться, но это свойственно и другим словосочетаниям.

Что же касается союзных парных словосочетаний типа *itba^c*, то здесь, очевидно, нам приходится иметь дело чаще всего с устойчивыми словосочетаниями, соотносящи-

¹⁰ Имеется в виду следующая работа: مصطفی ذاکری، اتباع و مهملات در زبان فارسی، مجموعه سخنرانی و بحث در زبان فارسی وزارت فرهنگ و هنر تهران ۱۳۳۵

¹¹ Шуар, указ. соч., с. 105.

¹² Там же.

¹³ О роли эвфонии в парных словосочетаниях см.: Jiri Osvald *Alliteration in colloquial Persian* — *Archiv Orientalni* 39/3, 1971, pp. 346—351; Меликян Г. В. К изучению ритмико-интонационной структуры парных сочетаний персидского языка. «Вестник ЕГУ», 1975, № 2, с. 149—153 (на арм. яз.).

¹⁴ Пейсиков Л. С. Очерки по словообразованию, с. 161.

¹⁵ Примеры взяты из указанной книги Л. С. Пейсикова. Кстати, переводы примеров не отражают сути данного явления (см. *doulat* «правительство» и *doulatmoulat* «правительство» в переводе Л. С. Пейсикова).

мися с понятиями *çart-opart* чепуха, *saxt-o raxt* тайный сговор, *kaž-maž* скрученный, закрученный.

Эти словосочетания, как правило, фиксируются в словарях, хотя и среди них встречаются иногда такие, которые скорее всего выражают отмененное нами выше лексико-грамматическое значение неопределенного обобщения, например: *mard-opard* (ср. *mard-pard*), *могу=о*

погу всякая там птица (ср. *могу=погу*).¹⁶

Не исключено, что некоторые из таких конструкций могут быть квалифицированы как копулятивы, хотя проблема четкого разграничения устойчивых словосочетаний и сложных слов не всегда может быть решена безусловно¹⁷. Во всяком случае, чем бы мы их ни считали, ясно одно: они принадлежат фразеологическому составу языка.

Словосочетания, аналогичные персидским *itba*^с, встречаются во многих языках, но, конечно, с присущими этим языкам фонетическими закономерностями, например:

1. В арабском: *hasan-basan* всякий там хороший; *haqir-raqir* всякий там бедняк;

2. В азербайджанском: *çaj—maçaj* всякое там дерево, *paltar-maltar* всякая там одежда

Широкое распространение подобных конструкций, да и вообще аллитерирующих сочетаний в разговорном персидском языке, с одной стороны, и в тюркских языках, с другой, побудило Иржи Освальда высказать предположение о тюркском влиянии на персидский язык в данном случае¹⁸. Однако это предположение не имеет оснований, ибо, как показал Джафар Шуар, конструкции типа *itba*^с встречаются уже в персидском языке классического периода¹⁹. Кроме того, эти словосочетания распространены также во многих других индоевропейских языках. Следовательно, это—особенность, исконно присущая иранским языкам.

Գ. ՄԵԼԻՔՅԱՆ— Պարսկերեն լեզվի նառաղիբ բառակապակցությունների ուսումնասիրման պատմության շուրջ.— Հոդվածը պարունակում է պարսկերեն լեզվի նառաղիբ բառակապակցությունների ուսումնասիրության պատմության բնական վերլուծության արդյունքները: Հարադիր բառակապակցությունները, ներկայացնելով պարսից լեզվի կայուն բառակապակցությունների մի ինքնուրույն ենթահամակարգ և ունենալով օգտագործման լայն բնագավառ, վաղուց ի վեր, ուղղակի թե անուղղակի, մասնագետների ուշադրության կենտրոնում են եղել, սակայն ուսումնասիրության պատմությունից երևում է, որ այս կարգի կառույցները մինչև օրս գիտական որոշակի սահմանում չեն ստացել այդ պատճառով էլ չեն սահմանազատվել այլ կարգի լեզվական ստեղծումներից: Հոդվածի նպատակն է բնական վերլուծությանը լրացնել այդ բացը:

¹⁶ Примеры взяты из работы Дж. Шуара, с. 152.

¹⁷ См. Л. С. Пейсков. Лексикология..., с. 175—176; его же. Очерки по словообразованию, с. 146—173.

¹⁸ Jiří Osvald, указ. соч., с. 351.

¹⁹ Дж. Шуар, указ. соч., с. 99—101.